

Ф. И. БУСЛАЕВ

Письма русского путешественника¹

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М. Н.

Первый столетний юбилей нашего великого прозаика имеет свое особенное значение. Торжество это не может быть только воспоминанием о важном литературном деле, положенном в основу русской народности; потому что дело это -- не отошедшая старина, вообще дорогая для национального чувства, но один из насущных элементов современного русского просвещения, который не перестал еще оказывать свою живительную силу в каждом из нас, здесь собравшихся. Поколения старшие еще чувствуют на себе всю обаятельную свежесть непосредственного действия этой гармонии мыслей и звуков, которою Карамзин на их памяти пленял своих соотечественников; поколения младшие учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочинениям, на которых и доселе основываются и русский синтаксис, и русская стилистика: так что если бы я думал изложить перед вами заслуги Карамзина в этом отношении, то мне пришлось бы сделать перечень параграфов учебника, с указанием, насколько каждый из них подчинен влиянию Карамзина.

Но я нахожу неуместным подробностями критических исследований о языке и слоге удалить от вашего внимания живой образ того, память о котором мы празднуем. Лучше всего удовлетворило бы общему желанию жизнеописание Карамзина с подробными выдержками из его сочинений; но этот предмет не влезет в пределы моего настоящего чтения. Ограничиваясь немногим, я избираю из жизни Карамзина только полтора года -- знаменательное время перехода от молодости к зрелому возрасту, когда определилась нравственная и литературная физиономия писателя, именно 1789--1790 гг., описанные им самим в "Письмах Русского Путешественника".

Опасаясь умалить заслуги автора, ныне чествуемого, я не решаюсь назвать эти "Письма" лучшим из его собственно литературных произведений; однако, кажется, не обинуясь могу утверждать, что, после "Истории Государства Российского", они более прочих его сочинений оказали свое действие на образование русской публики, оказывают и теперь, составляя одно из лучших украшений всякой хрестоматии русской словесности.

Своими письмами из-за границы Карамзин впервые внес в нашу литературу самые обстоятельные сведения о европейской цивилизации, которые были тем наставительнее, что относились к последним годам прошлого столетия, когда господство французского направления стало уступать новым идеям, продолжившим свое развитие и в первой половине текущего столетия; так что -- "Письма Русского Путешественника" даже в период деятельности Пушкина не теряли своего современного значения, частью имеют они его и теперь, потому что в них впервые были высказаны многие понятия и убеждения, которые сделались в настоящее время достоянием всякого образованного человека.

Необычайная цивилизующая сила этих писем, кроме высокого дарования и обширных сведений автора, много зависела от самой формы этого рода сочинений. Вместо схематических трактовок об истории и статистике западных народов, о их литературе, искусстве и науке, перед читателями постоянно является симпатическая личность русского человека, высокообразованного, насколько это было возможно в конце прошлого столетия, и в высшей степени впечатлительного и даровитого, который с каждым шагом на своем пути созревает, неутомимо учится и из книг, и из бесед со знаменитостями того времени и по мере успехов -- передает плоды своего развития своим немногим друзьям, круг которых должен был расширяться на всю читающую русскую публику, как скоро были изданы в свете "Письма Русского Путешественника"; и многочисленные читатели их по всем концам нашего отечества нечувствительно воспитывались в идеях европейской цивилизации, как бы созревали сами вместе с созреванием молодого русского путешественника, учась смотреть на образование его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами.

Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела свою задачу внести к нам плоды западного просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основой разумной любви к родине, и западное просвещение было ему дорого потому, что он чувствовал в себе силу водворить его в своем отечестве.

Стремясь на Запад учиться для блага своего отечества, он шел по пути, проложенному Петром